

К ним едет режиссер.

Независимая пресса — 1995. — 17 мая. — С. 4

С МЕЧТОЙ О САКСОФОНЕ

Сергей Газаров снимает «Ревизора»

Елена Владимировна

Зеркало

— ВЫ РАБОТАЛИ в Театре-студии Табакова с самого начала. Были одним из ведущих актеров. Почему ваше имя исчезло с афиш?

— Я ученик Табакова. Когда организовался его театр, я сразу же ушел из «Современника» и перешел к нему. Все эти годы был не просто загружен ролями — был ими перегружен и, наверное, потерял остроту вкуса. Я понял, что мне необходимо передохнуть. Мне стало неинтересно. Неинтересно играть на сцене. Неинтересно играть в кино. Может быть, у меня просто такой период, и он через некоторое время кончится. Поскольку меня давно интересовала кинорежиссура, я и решил заняться ею. Мою дебютную картину «Крейзи» не так давно показывали по телевидению, снял я также спектакль нашего театра «Крыша» и фильм «Елена и штурман». Теперь запустился с кинокартиной «Ревизор Николая Гоголя».

— Теперь вы совсем не играете? — Доигрываю в «Современнике» «Стену», которую поставил Виктюк. У меня там специфическая роль — нужно говорить по-армянски. Найти мне замену трудно.

— Когда вы уходили от Табакова, он отнесся к этому спокойно? — Нет, естественно. Кроме того, что я его ученик, я был приближенным к нему человеком, и на мне лежала масса обязанностей. Расходимся мы очень болезненно. Два раза уже пробовали сдвинуться, но пока из этого ничего не получилось. Я думаю, что, как только обстоятельства сложатся благоприятно, это непременно случится.

— Когда вам предлагают роль, что для вас важнее — какой режиссер приглашает или какую роль предлагают?

— Стало важно все. И какая роль, и какой режиссер, и какая компания, и какая перспектива этого проекта. Я — человек увлекающийся и могу многим в своей жизни пожертвовать ради дела. Не хотелось бы жертвовать зря. Мне почти постоянно предлагают какие-то роли. Я все время отказываюсь. Неинтересно играть сегодняшних монстров. Материал, который представляет сиюминутный интерес, завтра уже будет никому не интересен. Я и так много в кино наследил глупостями. Именно поэтому хочу поставить что-то сам. За это буду полностью нести ответственность.

— Почему же вы решили стать актером?

— С детства любил шутить, раздражать кого-то. В школе ме-

ня все время просили копировать известных людей, отрывки из фильмов. Любил переодеваться, любил, чтобы меня не узнавали. Кроме того, мой брат — хоровой дирижер, так что было кому и профессионально меня оценить.

— А есть роль, которую вам бы хотелось сыграть?

— Отелло... Только не спрашивайте, кого я вижу в роли Дездемоны.

— Неужели нет такого театра, в котором вы хотели бы работать?

— Нет и никогда не было. Работа в театре должна быть хобби, капризом. Я не хочу сегодня играть короля, а завтра слугу. Я отношусь к театру, как к празднику. Его ждешь, к нему готовишься. Приходить в театр на работу — этого я понять не могу. Восхищаюсь людьми, которые это делают каждый день, но не могу...

— Вы — не коллективный человек?

— Я не понимаю, что это такое. Я компанейский человек. У меня есть компания людей, с которыми мы делаем одно дело. Но я никогда не назову ее коллективом. Есть режиссеры, с которыми хочется работать, есть актеры, которых хочешь видеть своими партнерами.

— Почему вас потянуло в режиссуру?

— Я всегда находил удовольствие в том, что я могу сделать что-то именно так, как я себе это представляю. Могу реализовать свои мечты, сны. Очень люблю сны, которые я как бы контролирую. Например, вижу колонну и понимаю: сейчас за ней появится жуткая рожа. И действительно, появляется такая страшная карга, что я сразу просыпаюсь. Мне нравятся сны, которыми я как бы могу управлять. А вещи сны не люблю. Ничего не хочу о себе знать заранее. Если бы мне предложили прожить жизнь второй раз, я, наверное, ничего бы в ней не стал менять.

— Есть ли такая компания, с которой вы хотели бы вернуться в театр?

— Я уже наполовину вернулся в него. Создал частную антрепризу и ставлю «Супружескую пьесу» Эдварда Олби с Ириной Метлицкой и Арменом Джигарханяном.

— Раньше в театры ходили из-за различных аллюзий. Чем театр может привлечь сейчас?

— Вдохновением и формой. И, конечно, театр должен совсем отказаться от политики. Получив свободу, он обнаружил полную несостоятельность нашей современной драматургии и режиссуры, которые все время имели что-то в виду. Спасение я вижу, в частности, и в возврате к классике. И это уже происходит на театре. Вы заметили, сколько классических пьес мирового репертуара идут на московских сценах?

— Несколько лет назад вы по-

ставили «Ревизора» у Табакова, сейчас снимаете опять же «Ревизора»...

— Пьеса уж очень хорошая, смешная.

— Ваш фильм будет чем-то отличаться от спектакля?

— Мне кажется, не чем-то, а практически всем. Было бы глупо переносить на пленку спектакль. Для этого не надо так много усилий, и потом — это никогда ни у кого не получалось.

— Кто занят в фильме?

— Миронов, Гердт, Неёлова, Джигарханян, Жарков, Михалков, Леонтьев. Перед этими актерами я преклоняюсь. Я не хочу прикрываться этими именами. Они часть той компании, о которой я говорил. Я считаю, что в лучшей русской пьесе должны быть заняты лучшие русские актеры.

— Вас не смущает то, что наши фильмы практически не выходят на экран?

— Я попытаюсь обезопасить себя. Не отдам картину ни одной прокатной фирме. Буду прокатывать ее сам. Так поступил со своим фильмом «Утомленные солнцем» Никита Михалков. Я знаю, что это безумно трудно и отнимает массу драгоценного времени, но, думаю, это единственно правильный путь.

— Вы считаете себя везучим человеком?

— Я не просто везучий, я случайливый человек. Мама меня родила, учитель меня научил, дети мои — от любимой жены, снимаю кино. Вы знаете что-нибудь лучше?

— Что вам в себе не нравится?

— Многое. Я ленивый. Быстро остывающий. Очень раздражительный — видимо, сказываются южные корни. Ревнивый, несдержанный. Но я с этим борюсь. Даже чего-то достиг.

— У вас подрастают двое сыновей. Хотели бы вы, чтобы они стали актерами?

— Категорически не хочу. Я бы хотел, чтобы мой старший сын, Никита, стал кинооператором. Это — великая профессия. Оператор видит мир по-иному. Не так, как мы. А второго сына я хотел бы видеть саксофонистом. Это мой любимый инструмент. Чтобы извлечь звук из саксофона, должен быть створ всех органов твоего тела. Иначе ничего не получится. В младшем сыне живет внутренний отбой ритма. Это в нем заложено. Поэтому мне бы хотелось, чтобы он играл именно на этом инструменте. Но пока ему нет еще и шести лет, может быть, он вырастет и пойдет работать в банк.

— А вы на саксофоне играть пробовали?

— В городе Сумгаите я учился играть на фоготе, но вовремя сломал руку. Однако если бы сейчас нашлся человек и сказал мне: «За пять дней научу тебя играть на саксофоне», я, может быть, бросил бы все.